

Вячеслав Михайлович Лямкин родился на Алтае. Работал слесарем, лесником, учителем в школе. Печатался в журналах «Сибирские огни», «Алтай», «Бийский Вестник», «Приокские зори», «День и ночь». Участник региональных и Всероссийских совещаний молодых писателей. Лауреат ряда литературных премий, награжден Золотым дипломом Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Живет и работает в Бийске.

Вячеслав Лямкин

СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ

Рассказы

С вечера разыгралась метель. Завыло в печной трубе, окна занесло тонким слоем снега. То и дело порывы ветра ударяли о стену дома, поднимая вверх снопы снежной пыли. Скрипели протяжно ворота, натываясь на перекладину, сдерживающую массивные створки: «Бух-бух-бух».

Егорыч не спал...

Ворочался с бока на бок, прислушивался к звукам непогоды, вставал пару раз, ощущая ногами прохладу деревянного пола, и, отдернув штору, вглядывался в окно.

Ночь выдалась на удивление белой — кучевые облака тянуло с севера, и видно было, как треплет голые ветки рябины в палисаднике, как раскачивает верхушку громадины сосны, растущей напротив дома. В такт разыгравшейся метели — сначала отдаленной, где-то за околицей еле слышной, а потом совсем близкой и неистовой — в глубине дум Егорыча зарождалась тревожность...

Тревожность от переживаний о насущном — о работе, о семье, о бытовых нуждах...

Так иногда бывает — все наваливается скопом. Вот и у Егорыча так получилось.

Где тонко, там и рвется. Первая подвела корова Жданка — проглотила с соло-

моя какую-то железу, и ее начало дуть. Ветврач Аলেখин выписал лекарства, сказал, что, если через три дня не пройдет, придется колоть. Жалко кормилицу, семь лет верой и правдой служит. По двадцать литров молока и утром, и вечером дает.

А тут еще на работе неприятности...

Голова Ивана Егоровича давно покрыта лунной сединой, а он все еще один из самых ценных вальщиков. В коллективе, где он лет тридцать как бригадирствует, к нему уважительно обращаются «Егорыч», и в этом кратком «Егоррррыч» чувствуется спокойствие и уверенность.

В его бригаде давняя традиция — Егорыч раньше всех приезжает на деляну.

Любит Егорыч эти минуты: по-хозяйски осмотрит место стоянки, проверит, все ли в порядке, откроет вагончик, вскипятит воду, заварит крепкого чаю и, с удовольствием обжигаясь горячим напитком, смакует последние минутки тишины.

Тракторист Серега Коломейко, балагур и любитель поговорить, на своем железном коне слышен издалека.

За ним подъезжает и вальщик Володя Семенов на старенькой иномарке.

Подтягиваются и остальные мужики. Слышны анекдоты, шутки. Пьют чай. Вскоре работа закипает. Кто цепи точит, кто идет валить деревья, кто сучки обрубать. У Егорыча никто без дела не сидит.

А дней семь назад слег с воспалением легких Володька Семенов.

На подмену Егорычу в бригаду отправили Андрюху Холюкина.

Андрюха — парень резвый. В одной руке пирог держит, другой цепь точит. Егорыч вокруг него пару дней крутился, присматривался...

— Самое главное, Андрюха, не торопяха твоя, а с умом к делу подойти. Прежде чем ронять, ты подойди, осмотришься. Покумекай, куда лучше уронить. Вот тут, видишь, — подрост поднимается. А там, в гуще, трактор все передавит, а ты ее вот сюда, милую, промеж вот двух сосенок, вдоль дороги, и Коломейко удобно ее оттуда достать, и не напакостишь. Понял? В какую сторону валить будешь — стой: запил сделай, а затем от запила вкруговую заводи...

— Угу, — кивает головой Холюкин, дожевывая пирог. — Чего тут! Понятно!

И, взяв в руки Still, пошел в чащу.

Зарычала бензопила, отдаваясь гулким эхом в округе, словно чудиче, пробудившееся ото сна. Вцепилась острыми зубищами в сочный ствол, раскидывая в стороны кору и опилки.

Со скрипом начинает заваливаться пушистая громадина, а потом с треском ломаемых сучьев и последним вздохом-гулом ударяется о землю, поднимая вверх облачко снежной пыли. И если посмотреть на солнце, видно, как в воздухе летают мелкие снежные частички, и наступает тягелая тишина.

И теперь Андрюху уже не остановить. Вошел в азарт парень в погоне за кубами. За премией. И словно и не слышал он наставления Егорыча.

Валит деревья направо и налево. Куда удобней. И по барабану ему подрост или гнездо какой-нибудь птахи. Или дупло белки. Или как деревья трелевать будет тракторист. Лишь бы упала.

А потом Андрюха и вовсе нарушил ту «химию», которую создал Егорыч в бригаде, посягнув на святое: стал приезжать раньше Егорыча на деляну. Приехал Егорыч утром, а тот уже на его месте сидит, чай пьет.

— Убирай его к чертям собачьим! Нельзя ему в лесу! — с такими словами ворвался бригадир через несколько дней в кабинет лесничего Мохова.

— Иван Егорыч, давай все по порядку. — Мохов пригласил вальщика присесть. — Кого убирать и за что?

— Да Холюкина. Растет подрост — валит на подрост! Гнездо на дереве видит — валит на гнездо.

— Егорыч, но нельзя вот так, сгоряча.

Мохов понимает бригадира, но кубы и на него давят, а для лесхоза это обстоятельство важнее, чем всякий там подрост.

— Работать некому. Ты поправь парня. Скажи, что нельзя так. А там и Володька Семенов выйдет. Терпи уж, Егорыч. Терпи!

— Может, в сучкорубы его? — предложил Егорыч.

— Володька твой выйдет — и переведем тогда, а пока пускай работает! — отрезал Мохов и добавил: — Он там из бухгалтерии кому-то родственник.

Когда Егорыч уходил, лесничий предупредил его:

— Чуть не забыл! Лесхоз разрешил жителям валежник собирать — соответственно, народ на деляны полезет, кучи порубочных остатков ворошить начнут, так что смотрите там, повнимательней...

Квартал, где идут рубки, находится километрах в пяти от поселка, где живет Иван Егорыч.

Егорыч, не спавший полночи, вдруг засобирался. Подгоняемый нехорошим предчувствием, решил прогуляться до деляны, проверить, все ли в порядке, а то в пятницу его вызвали в лесничество и он раньше уехал — и теперь душа болела, как там да что.

Егорыч вышел во двор проведать корову — сердечная вроде начала поправляться.

Он занес в сенки дров, набрал угля.

— Куда тебя леший несет?! — всплеснула руками жена. — Выходной! Сидел бы дома, Иван! Нагуляешься еще!

Но Егорыч махнул на супругу рукой, мол, сиди, не твое дело, и начал одеваться.

В какой-то момент за окном наступило затишье — метель подутихла; казалось, растеряла свою мощь на зимних неуютных полях, но вскоре разыгралась с большей неистовостью.

В утренних сумерках Егорыч прошелся мимо крайних домов, утонувших в снегу, нацепил широкие охотничьи лыжи, перебрался через мосток и вышел в поле. Он шел, чуть наклонив корпус вперед, гнул голову к груди, пронизанный северным ветром, и казалось, нет ему спасения от непогоды. Метель хлестко била в лицо острыми хрусталиками, но вот среди снежной пелены, застилающей глаза, просматривается неясное очертание соснового бора.

Егорыч скрылся между деревьями, и ему стало спокойно.

Сильные порывы ветра, разбиваясь о вековые стволы-скалы, теряли мощь. Метель рвала теперь вверху, тревожа заснеженные хвойные вершины, а Егорыч шел по известной только ему дороге и чувствовал разливающееся по телу тепло.

Забравшись на взгорок, он остановился передохнуть у высокой, разлапистой сосны и, подталкиваемый необъяснимым желанием, вдруг прикоснулся к шероховатому стволу.

Тяжесть накопилась на душе. Захотелось вдруг поделиться.

Ствол испещрен морщинками толстой коричневой коры. Егорыч погладил его, коснулся щекой, вдыхая запах сохранившейся еще летней пыли. Ему вспомнились руки матери. Они были такие же теплые и шершавые, как эта кора. Он вдруг вспомнил, как она умирала — лежала на своем диванчике у печки, смотрела в потолок и что-то шептала пересохшими, обескровленными губами.

— Иван, иди! — сказала сестра, выходя из комнаты. — Она тебя звала!

Он подошел к матери, взял за руку. Последние ее слова залегли в душу:

— Ваня, живи по сердцу да людям помогай, чтоб знала, что не зря тебя растила...

Ему тогда показалось, что рука теплая, как вот эта кора, как земля, вобравшая в себя весеннюю влагу и теперь, обдуваемая ветерком, немного суховатая сверху, а корни чуть глубже — там сочный чернозем, сила, дающая прорасти хлебу... такую он ее и запомнил.

Но воспоминания и дальше его не отпустили. Вспомнилось, как пришел в лесхоз после развала совхоза в девяностые и работал сначала на тракторе, потом на лесовозе, а позже перешел в вальщики.

Пробежавшись по вехам своей жизни, вдруг подумал: как быстро пролетели годы...

Немного отдохнув, Егорыч продолжил путь.

Он шел дальше, защищенный со всех сторон могучим сосняком, унося с собой частичку тепла того дерева, у которого недавно стоял.

Ветер, играясь в сосновых вершинах, взлохмачивал колючие кудри, покрытые снежной сединой. Егорыч сократил путь — спустился в ложбинку и уперся в три стежки свежих следов.

Он ускорил шаг, и вскоре до его слуха донесся звонкий ребячий гомон.

Как и говорил Мохов, населению разрешили брать валежник. Летом хорошо его собирать, а сейчас — зима, и дорога в лес одна: накатанная к деляне лесовозами снежная колея, где идут вырубки. Этим многие и пользовались. Кто на лошади с санями приедет, сучков нагрузит, кто на машинешке с прицепом.

Их было трое, Маринки Петровой пацаны: старшему Димке — четырнадцать, среднему Олегу — двенадцать и младшему Шурику — одиннадцать лет. Жили они на соседней улице с матерью и бабушкой. Маринка воспитывала пацанов в строгости, но в любви и в заботе, потому мальчишки росли правильными, трудолюбивыми и всегда держались друг за дружку.

Да и у бабушки не забалуешь.

— Чего дома сидеть! Дуйте на деляну, каждый по охалке принесет сучков, на одну топку бани наберется! — отправила она своих орлов в лес. — Утром сходите, а к вечеру баньку подтопим!

Стараясь не выдать себя, Егорыч обошел их стороной и, скрытый кучами наваленных веток, некоторое время наблюдал за ребятней. Мальчишки, увлеченные делом, ворошили кучи с ветками, выбирали большие сучки и, топориком отделив хвою, складывали их в общую кучу.

Неожиданно рядом протяжно скрипнуло дерево.

Егорыч посмотрел вверх, затем взгляд его пробежал по стволу дерева к корню.

И Егорыча обдало жаром — сосну зашилили с одной стороны и пытались свалить, но направили не в ту сторону, и она, ветвями зацепившись за другие деревья, повисла в воздухе, держась на сучке. Ветер раскачивал дерево и заставлял его протяжно скрипеть.

Сразу перед глазами Егорыча встала картина, как Андрюха делает запил на дереве и, когда то повисло, машет на него рукой и идет к другому. Останься вчера на деляне Егорыч, этого не произошло бы. Он бы доглядел.

Внутри оборвалась какая-то струнка, когда вдруг после очередного порыва ветра дерево дернулось и, медленно скользя по соседней сосне, поползло вниз.

— Матьер Божья... — прошептал Егорыч, а затем раздался крик, в котором он с трудом узнал собственный голос: — Уходи! В сторону, в сторону, пацаны!

Мальчишка, оказавшись под нависшим деревом, встал как вкопанный, не понимая, что происходит, откуда взялся этот дядька и что он ему кричит?

Лесная громадина, протяжно скрипнув, снова дернулась, но, зацепившись веткой за соседний ствол, вдруг зависла в воздухе. Повисела секунду, а затем, с шумом разгоняя снежную пыль, ломая ветви и сучья, рухнула вниз, словно в пропасть.

Все смешалось в одном мгновении: самонадеянная ухмылка Андрюхи Холюкина и недоуменный взгляд мальчишки, когда Егорыч, рывком преодолевший расстояние между ними, оттолкнул того в сторону.

Последнее, что запомнил Иван Егорыч, — как рассеивались утренние сумерки и начинался светлый день...

ЧЕРТОВКИ НА РОЖДЕСТВО

*Тем, кто на Христово Рождество
На страничке своего инстаграма¹
Напоказ выставляет лицо
С рогами древнего Ваала...*

Автор

— Бабусенька, приветики!

Молоденькая девица в фиолетовом полушубке, в капроновых колготках и демисезонных ботиночках на тоненьком каблукке протиснулась с чемоданчиком на колесиках в узкую, выкрашенную темно-оранжевой краской дверь. За ней следом пролезла еще одна девица — точная копия первой, только в желтой шубке, коротенькой, еле достающей до пятой точки.

— Привет, внученька, привет Вита... Виталяна!

— Виталина! Бабусенька, сколько раз говорила — Виталина! Пора бы и запомнить! — надула пухлые губки внучка, захлопала длинными наращенные ресницами, нагнав сквозняка в избу.

— Дак, этак, такое разве сразу упомянешь? — закричала виновато старушка. — Гостья-то ты у бабушки редкая! Давеча вспоминала, когда ты последний раз-то была в гостях, да не могла припомнить. В шестом

¹ Социальная сеть, принадлежащая компании «Meta», признанной экстремистской на территории Российской Федерации.

классе, однако, с отцом приезжала. Ладно, чего на пороге толкнетесь, приходите в дальнюю комнату, там кровать побольше, ночью прижметесь к друг дружке, не замерзнете... Я гостям всегда рада. Забыла спросить, это кто с тобой?

— Это Викуся! Подружка моя! — махнула девица тоненькой ручкой в сторону желтенькой шубки.

— Как, Кукуся? — переспросила бабка, плохо слышавшая на правое ухо. — Вас и не отличишь, одно лицо. Только по цвету. — И тут же всполошилась: — Ой, погода, очки одену. У вас что с лицом-то? Однако побил кто? Наши, что ль, деревенские?!

— А что случилось? — занервничала Виталина, быстренько достала зеркальце из сумки и посмотрелась в него, но, не найдя никаких изменений, закатила глазки — зря беспокоилась.

Бабка надела очки и присмотрелась к внучке:

— Да вона губы все опухшие! Словно кто приложился!

— Бабусенька, ты отстала от жизни! У нас в городе твои ровесницы тоже губы колят, причем давно!

— Модно, что ли, это?! Ну если модно, то пускай колят — ихнее дело! У нас тут в глубинке другая мода: дров кубов десять запасти да уголька тонн шесть купить, чтобы зиму пережить. А я смотрю, вы совсем легонько одеты, ляжки наголо, а у нас морозы обещали под сорок. Ладнись, располагайтесь, я пойду на стол накрою, а то с дороги проголодались, поди.

Бабка отдернула занавеску и, посмотрев в окно, добавила:

— Вон она! Первая-то звездочка на небе уже появилась, значит, и разговеться пора.

Бабка ушла на кухню, подкинула дров в русскую печку, загремела кастрюлями, шугнула рыжего кота, дюзнувшего блин.

— Бабусенька, а у вас тут что, интернет не ловит?! — Виталина вышла из комнаты с телефоном в руке, а за ней — ее копия. У одной телефон в розовом чехле, а у второй — в желтом.

Стали по углам бегать, связь ловить. Одна даже на лавку запрыгнула к потолку, к образам телефон поднесла, может, там связь хотела найти.

— Ну вот, я же тебе говорила! Тут нет интернета! — сдавшись, запричитала Викуся-Кукуся. — Лохушка, надо было слушать, что говорят! И че поехали в такую дыру! Все Рождество насмарку! Мне папа голову оторвет, как узнает, где я была!

— А у нас этого иньтирнэта и отродясь не было. Молодежь, кому по сотику позвонить надо, вон на соседнюю сопку ходят, говорят, там билайна какая-то ловит. А нам, старикам, разве туда подняться! Два нормальных телефона на всю деревню — один на одном краю, другой — на другом. Кому приспичит, сходят, позвонят. А так одно живое общение. Вона у меня вместо иньтирнэта! — И старушка показала на Ветхий Завет, лежащий на подоконнике. — Но что я с разговорами да с разговорами! Давайте к столу! Блинов напекла вам, борща на говяжьих ребрышках натомила в печке, лепешки с чесночком, сметанка деревенская — ложка стоит...

— Фи! — сморщила носик внучка. Ее подружка повторила за ней. — Бабусенька, мы такое не едим. Но я все предусмотрела. Викуся, там в чемоданчике — чипсы и роллы. Неси! И бутылочка «Шардоне»! Импорт! Бабусенька, тебе налить?

— Не! Я заморщину не пью! От нее мерещится черт-те чего и голова

ужас как болит. Я себе наливаю чай с мороженой налью, — ответила бабка и принесла из сенок графинчик с напитком.

— Ну, девоньки, давайте — за Рождество и за встречу! Сегодня не грех! Праздник светлый! Рождение Спасителя!

— А что, сегодня чей-то день рождения? — переспросила Вкуся. — Мы почему не в теме?! Ах, вспомнила! Как мы могли запамятовать! Спаситель — это режиссер такой известный. Блокбастер снял. Его еще на Оскар номинировали, — козырнула она своими знаниями.

— Ага, его, сердешного! — Бабка перстом указала на небо.

Выпили, бабка крякнула от удовольствия. Закусили. Девицы — роллами, бабка блин тепленький, маслянистый употребила.

— Бабусенька, я смотрю, у вас зубки-то все ровненькие, мосты вставляли? На пенсию, что ли? — заметила Вкуся.

— Свои они, Кукуся. Я каждый день лучка по две головки съедаю. А летом иду в огород перышко чесночка или лучка сорву — и в рот, — ответила не без гордости бабка. — А на нашу пенсию не вылечишь зубы, а на полку их положишь!

— Бабусенька, а у тебя елочка-то где? — спросила вдруг внучка.

— Какая елочка?

— Ну, новогодняя! Рождественская!

— Дак это, милая моя, я ее давно уж не наряжаю. Как дед помер. Мне одной с котом зачем? Я в Новый год спать в десять вечера ложусь. У меня телевизор рябь одну показывает. Уж лет пять как... Единственная радость — я каждый год седьмого числа рано утром встаю, иду до трассы восемь километров, чтобы успеть на рейсовый автобус до райцентра. А там — в церквушку! Помолюсь, свечки поставлю за ваше здравие, за упокой родичей наших. А вам зачем елка-то? — спохватилась бабка.

Внучка забегала по избе в истерике:

— Что за день сегодня такой пропащий!

— Еще какой пропащий! — вторила подружка, бегая за Виталиной по пятам.

— Интернета нет! Елки нет! — продолжала Виталина.

— Да я еще тут ноготь сломала! — добавила Вкуся.

— Да что твой ноготь! Тут дела поважней! Я сегодня должна запостить историю, как встретила Рождество у бабушки в деревне. Не забывай, я же известный инстаблогер! У меня огромная аудитория подписчиков! Они ждут этой чудной, рождественской, душещипательной истории, как я добиралась до своей любимой бабушки, чтобы встретиться с ней Рождество! Они хотят ко мне присоединиться! Быть со мной! Ставить мне лайки!

— У нее почти три тысячи подписчиков, на минуточку! — уточнила с гордостью Вкуся-Кукуся, обращаясь к бабке, как будто та тоже вела страничку в инстаграме. — А у меня две тысячи! — продолжила Вкуся. — Но я ее скоро обгоню!

— Подписчики, инстаблогер, запостить... — Бабка в недоумении развела руками. — Лайки какие-то... Собаки, что ли? Тьфу, чертовщина! Матерки одни! По-русски объясните! Аз, буки, веди! По-простому! Чего надо?!

— Дерево! — Вкуся-Кукуся изобразила руками елку. — Зимой и летом одним цветом! Чего тут непонятно?!

— Значит, елку надо! Сейчас чего-нибудь придумаем. Ивана, соседа, позову! Поди, притацит вам елку. Помнишь Ваньку-то? Рыжий парнишка, тебе еще огоньки с пойменных лугов таскал. Он как с армии вернул-

ся, так в деревне и остался, фермерствует. На нем токма деревня и держится.

Бабка намотала на голову пуховую шаль, накинула старенькое драповое пальтишко, прыгнула в валенки и вышла на улицу, запустив в дом клубы холодного воздуха.

— Я придумала! — вскрикнула Виталина. — Даже если интернета не будет, то мы будем снимать на камеру, а потом выложим в инстаграм!

— Точно! Башка варит! Зря стрессовали! Надо успокоиться! Я на одного астролога подписана, она говорит, нужно в эти дни не стрессовать, не агрессивовать, а привлекать положительную энергию Вши!

— Какую? — не поняла Виталина.

— Энергия Вши! — повторила подружка, сделав вид профессора, мол, ты чего, неуч. — Какое-то индийское учение, модное сейчас — прямая связь с космосом. Сейчас модно говорить не Бог, а Вселенная.

Викуся достала телефон и, подойдя к русской печке, начала снимать ее на камеру:

— Забавное строение, в историю обязательно выложу! Я такую ни разу не видела. На ней что, варят? Это вместо плиты?

В сенках хлопнула дверь, послышались голоса:

— Ваня, гости городские, — слышался голос бабки. — Да ты таких и отродясь не видал! Расфуфыренные, размалеванные! Тьфу! Срамно смотреть! Но если отмыть, должны быть ничего. Помощи просят. Ваня, спасай бабку!

Дверь открылась, и бабушка завела бородатого паренька.

— Знакомьтесь! Ваня! — представила его бабка.

— Здрасьте! — кивнул, смущаясь, Иван, топчась в сапогах на пороге. — Бабушка сказала, вам помощь нужна.

— Приветики! — лисой вокруг паренька закружила Викуся. — Елку нам надо, срочно! Сообразишь?

Бабка, заметив Викусины старания, закашлялась:

— Ты энто, от парня-то отстань, женатик он! Я его для делу позвала, а не для твоих утех бесстыжих!

— За пару тысяч привезу, — выставил условие Иван. — У нас тут только березняк вокруг, а за елкой за три километра ехать придется. И магарыч!

— Что за магарыч? — спросила, нахмурив переносицу, Викуся. — Слово какое-то новое. Из английского лексикона, что ли?

Виталина порылась в сумочке и достала пятитысячную купюру.

— У меня меньше нет!

Иван, потоптавшись на месте, взял деньги:

— А у меня сдачи нет!

— Но я надеюсь, тут на магарыч ваш хватит? Привезете елку, установите, и мы в расчете.

— Хватит! — улыбнулся довольный Иван и вышел из дома.

Через два часа большая, пахучая елка стояла посреди комнаты, наряженная старыми бабушкиными игрушками. Даже гирлянда оказалась рабочей. Девицы весь процесс снимали на телефон. И как привезли елку, и как Иван ее заносил в дом и устанавливал. И как ее наряжали.

Иван потом ушел домой, а бабка пошла его проводить да занести с улицы охапку дров — в этой суете не заметила, как печка прогорела.

Вернулась, подкинула березовых дровишек — и вдруг встала как вко-

панная: девицы напялили на себя короткие юбки, белые блузки с глубоким декольте и чулки на подтяжках, водрузили на головы рожки, прикрепили к попам хвосты — и в таком образе чертей фотографировали друг дружку на телефонную камеру.

— Бабусенька! Идите сделаем с вами селфи! — улыбалась Викуся, пытаясь обнять бабушку, но та, скинув с себя оцепенение, замахала руками, словно подавившись костью.

— Чур, чур меня! Привидится же такое! — Бабка шарахнулась от черта Викуси и, запинаясь о пустые ведра, вывалилась за дверь.

— Чего это с ней? — удивилась Викуся.

— А, не обращай внимания! — захихикала Виталина, делая селфи. — Возраст! Да и выпила своей бурдомаги деревенской, видно, развезло.

— Предлагали же ей шардоне! — согласилась Викуся. — Вот калоша старая! Чуть праздник не испортила. А если ей плохо станет, чего делать будем? Больница-то далеко...

Бабка же тем временем пошла к деду Спиридону, который в деревне держал пасеку и, когда требовалось, снимал порчу с людей молитвами.

— Старый, я к тебе за советом! Подмогни, если не в тягость! Черти у меня в доме засели. Как их изгнать, не подскажешь?

— А то верно, подскажу, — пробасил Спиридон. — Выкуривают их! Сначала со свечой по периметру избы обойди, молитву прочитай. И опосля веником все углы святой водой окропи. Три раза повторить надобно. А потом вьюшку закрой, дым в дом пойдет, и тем же самым веником гони их, гони, чтоб не очухались.

Бабка вернулась, когда гости уже улеглись.

Девицы застелили себе постель, накрутили папилютки, переоделись в пижамы и мило ворковали, закутавшись в теплые одеяла, представляя, как завтра они вернутся в город — в привычную среду обитания, где их будут окружать комфорт и роскошь, горячая ванна, дорогие машины и рестораны, интернет, без которого они не могут жить...

Бабка заглянула в окно и, увидав на голове Викуси рога, снова чертыхнулась:

— Засели, окаянные! Ну, сейчас я им задам!

Вспомнив наставления Спиридона, бабка зашла в сени и, щелкнув тумблером, отключила свет. Достала из чулана веник и вошла в дом.

— Ай! — взвизгнула Викуся. — Ужас как боюсь темноты. Бабусенька, это вы?!

— Я! Лежите, не вставайте! Свет по всей деревне отключили.

Бабка налила ведро воды, поставила его в комнату, плеснула в него святой водицы. Опустила в ведро веник — пускай набухает, размачивается.

— Сейчас я вам свечи принесу. У нас частенько перебои с электричеством.

Она подкинула дров в печку — морозец на улице крепчал, и, дождавшись, когда дрова разгорятся, прикрыла вьюшку. Дым стал постепенно заполнять избу. Бабка взяла свечку, лежащую перед образами, зажгла ее и стала обходить все углы. Свеча коптила нещадно.

— Праздник-то какой светлый, — осторожно шагая и бережно неся в руках свечу, шептала старушка. — Рождество Христово! А энти в чертей переоделись, нечисть в дом занесли. Безбожницы!

Бабка зашла в комнату, где расположились девицы, и стала обходить кровать со свечой.

— Кхе, кхе, кхе! — закашлялись девицы, спрятавшиеся под одеялом. Только Викусины рожки видны.

— Бабусенька, а что вы делаете? — Викуся не замедлила снять все это на телефон.

— Я дом от нечисти избавляю!

— От какой нечисти?

— А сейчас, милая, увидишь!

Бабка вышла в горницу, поставила свечу на стол. Взяла в руки ведро с водой. Попробовала веник на вес — ага, тяжел стал, напитался водой. Ну-с, приступим!

— Бабусенька, какой-то дым, что ли? Горелым пахнет! Ты печку-то посмотри! Кхе, кхе, кхе.

— Запричитали, окаянные! — вполголоса сказала бабка. И тут же добавила: — Сейчас милые, сейчас!

Прошлась бабка по периметру избы, окропила углы, шепча молитву. Свет от догорающей свечи тусклый-тусклый. Ничего не разобрать. Вошла бабка в комнату, запрыгнула на кровать (откуда только такая прыть, она удивилась) и давай лупить девиц мокрым веником да приговаривать:

— Кыш, нечистые! Решили бабке праздник испортить! День-то сегодня какой светлый! Рождество!!! А вы с чертями дружбу завели!

Визгу тут поднялось, писку. В темной, задымленной комнате и не разобрать ничего. Мокрый тяжелый веник замысловатые узоры в воздухе описывает — то Викусе по макушке припечатал, так, что рога в сторону отлетели, то Виталине по ботоксным губешкам.

Растерялись девицы, но дверь как-то впотьмах да в слезах нащупали — выползли на улицу в чем были, кашляют, плачут, слюной плюются.

Бабка закрыла за ними дверь, приоткрыла вьюшку, чтобы дым в трубу снова пошел, отворила форточки в избе и села на лавку в кухне... смотрит на образа в углу.

— Ну вот, вроде опять чисто и свежо в избе стало, — облегченно вздохнула старушка и, перекрестившись перед иконой, добавила: — Прости нас грешных, Господи! Ибо зачастую не ведаем, что творим.

